

XXI.

Лена вернулась съ прогулки поздно и всю ночь не могла спать. Она то вскакивала съ постели и принималась ходить по комнатѣ, то ложилась, то снова вставала и садилась къ отворенному окну. Ей было душно; кровь ея страшно волновалась; мысли смѣнялись одна другою съ поразительной быстротой. Въ ушахъ ея все еще слышался ласковый шопотъ лѣса и рѣки; передъ глазами мелькало блѣдное, взволнованное лицо дяди, безмолвно слушавшаго ея признанія. Она все, все ему рассказала, — все, что томило и мучило ее за эти долгіе годы ожиданія и неудовлетворенныхъ мечтаній. И онъ, наконецъ, все понялъ... Теперь онъ знаетъ, что она готова на все, что она не ребенокъ, какъ онъ называлъ ее раньше. Пусть онъ найдетъ ей дѣло, дастъ свободу, — и тогда посмотреть, на что она способна. О, она давно не ребенокъ!.. И Леночка волновалась и трепетала, какъ птичка, почувывая свободу. Ей на яву грезилась будущая жизнь, не здѣсь, не въ этой душной комнатѣ, нѣтъ! Ее ждетъ иное... Можетъ быть, тамъ ей будетъ еще тяжелѣе, еще труднѣе, но, по крайней мѣрѣ, она будетъ съ нимъ.

А ночь между тѣмъ проходила. Звѣзды гасли; утренній вѣтерокъ пронесся въ воздухѣ. Въ палисадникѣ проснулись птицы и встрѣчали солнце обычнымъ, пѣвучимъ хоромъ. Тереха повелъ лошадей поить, и лошади фыркали отъ сырости, а онъ ихъ ругалъ съ просонья. Кухарка съ подоиникомъ пошла доить коровъ, и запахъ парного молока защекоталъ ноздри. Потомъ встала Ольга Ивановна, и ея туфли зашлепали по корридору.

Леночка одѣлась и тихонько вышла въ палисадникъ. Проходя мимо дядина окна, она заглянула туда, — Діодора не было. Леночкѣ опять вспомнилось вчерашнее. „Боже, какъ я его люблю!“ — подумала она, чувствуя душевную полноту. „И совсѣмъ теперь его не боюсь“...

Леночка засмѣялась и сбѣжала внизъ. Сіяющее утро приветствовало ее. Солнце еще не высоко поднялось, и его жгучіе лучи не успѣли разсѣять ласкающую свѣжесть зари. Деревья стояли тихія, зеленныя, осыпанныя росой. Леночка взяла лодку и переправилась на тотъ берегъ. Долго бродила она по росистымъ чащамъ, отыскала цѣлый кустъ шиповника, на которомъ едва распустились пахучія розовыя чашечки цвѣтовъ, и нарвала огромный букетъ. Ей хотѣлось пѣть, смѣяться, бѣгать...

Солнце было уже высоко, когда она возвратилась домой.